

ВикиЧтение

Символы священной науки

Генон Рене

3. Сердце Иисусово и легенда о Святом Граале[4]

3. Сердце Иисусово и легенда о Святом Граале[4]

В своей статье "Древняя иконография Сакре Кер" г-н Шарбонно-Лассей очень верно отмечает связь с тем, что можно было бы назвать "предысторией евхаристического Сердца Иисуса", легенды о Святом Граале, написанной в XII веке, но гораздо более ранней по своему происхождению, так как, по сути, она является христианской адаптацией очень древних кельтских традиций. Мысль о таком сближении уже являлась нам в связи с еще одной давней статьей, чрезвычайно интересной в свете исследуемого нами вопроса и озаглавленной "Человеческое сердце и понятие Сердца бога в религии древнего Египта". Мы предлагаем отрывок из нее: "В иероглифическом, священном письме, где часто предмет не очерчивается, но именуется, сердце всегда изображалось как чаша. И разве сердце не есть воистину чаша, из которой вместе с кровью истекает сама жизнь?" Именно эта чаша, избранная быть символом Сердца и олицетворяющая его в египетской идеографии, тотчас же привела нас на ум Святой Грааль, тем более что в последнем, помимо общего значения символа (впрочем, рассматриваемого одновременно с двух сторон, божественной и человеческой), мы видим также особую и гораздо более прямую связь с самим Сердцем Христа.

Действительно, Святой Грааль есть чаша, которая содержит драгоценную кровь Христа и содержит ее даже дважды, потому что вначале она была чашей Тайной Вечери, а потом Иосиф Аримафейский собрал в нее кровь и воду, истекшие из пронзенного копьем центуриона ребра Искупителя. Таким образом, эта чаша в определенной мере замещает Сердце Христа какместилище его крови, она, так сказать, занимает его место и становится его символическим эквивалентом. И разве, с учетом всего сказанного, не примечательно, что чаша когда-то в древности уже была эмблемой Сердца? Впрочем, в том или ином виде чаша, как и само сердце, играет исключительно важную роль во многих древних традициях; и, несомненно, так же было и у кельтов, потому что именно от них явилось то, что составило основу или, по крайней мере, канву легенды о Святом Граале. Достоин сожаления, что невозможно точно знать, какова была форма этой традиции до христианства, но так обстоит дело со всеми кельтскими доктринами, которые передавались исключительно устно. Однако, существует достаточно единое мнение относительно смысла употреблявшихся символов, и в конечном счете это и есть самое главное.

Но вернемся к легенде в той форме, в которой она дошла до нас. И то, что она сообщает о происхождении Грааля, в высшей степени достаточно достойно внимания. Эта чаша будто бы была выточена ангелами из изумруда, выпавшего из чела свергнутого с небес Люцифера. Этот изумруд поразительно напоминает так называемую урна, налобную жемчужину, которая в индийской иконографии часто занимает место третьего глаза Шивы, символизируя то, что можно было бы назвать "чувством вечности". Это уподобление, на наш взгляд, более всего остального и полностью проясняет символику Грааля; а кроме того, здесь можно уловить еще одну связь с сердцем, которое в индуистской традиции, как и во многих других, но, возможно, еще более явственно, есть центр целостного существа, которому, следовательно, "чувство вечности" присуще непосредственно.

Затем говорится, что Грааль был доверен Адаму в Земном раю, но что Адам, при своем грехопадении, также утратил его, так как не смог унести с собой при изгнании из Эдема; и это совершенно понятно в свете только что указанного смысла. Человек, отпавший по своей собственной вине от своего изначального центра, отныне оказывался заключенным в сферу времени; он не мог более достичь той единственной точки, откуда все вещи могут быть созерцаемы в свете вечности. Земной рай и вправду был "Центром Мира", повсюду символически отождествляемым с Божественным Сердцем. И разве нельзя сказать, что Адам, пока он пребывал в Эдеме, действительно обитал в Сердце Бога?

Последующее более загадочно. Сифу удалось проникнуть в рай и таким образом завладеть драгоценной чашей, но Сиф — это одно из олицетворений Искупителя, тем более что даже само его имя выражает идеи устойчивости, стабильности и, в

некотором роде, возвещает восстановление изначального порядка, разрушенного грехопадением человека. Следовательно, с тех пор произошла его частичная реставрация, в том смысле, что Сиф и те, кто после него владел Граалем, могли тем самым где-то на земле создать духовный центр, который был бы образом утраченного Рая. Легенда, впрочем, ничего не сообщает ни о том, где и кем сохранялся Грааль до эры Христа, ни о том, как обеспечивалась передача, но признаваемое нами кельтское ее происхождение позволяет с большей вероятностью предположить, что и друиды участвовали в этом и должны называться среди постоянных хранителей изначальной традиции. Во всяком случае, существование такого духовного центра — или даже нескольких подобных, будь то одновременно или последовательно во времени, не может быть поставлено под сомнение, хотя их локализация остается предметом для размышлений. Во всяком случае, следует отметить, что повсеместно такие центры, среди прочих наименований, носили также имя "Сердца Мира", и что во всех традициях они описываются идентичной символикой, которую возможно проследить в самых точных деталях. И разве это не в достаточной мере доказывает, что Грааль — или то, что им олицетворяется — еще до христианства и во все времена был тесно связан с Божественным Сердцем и Эммануилом, то есть, хотим мы сказать, с проявлением, виртуальным или реальным, в зависимости от эпохи, всегда присутствующего посреди земного человечества предвечного Слова?

После смерти Христа, согласно легенде, Грааль был перенесен Иосифом Аримафейским и Никодимом в Великобританию; тогда начинает разворачиваться история Рыцарей Круглого Стола и их подвигов, рассматривать которые мы здесь не намереваемся. Круглый Стол должен был принять на себя Грааль, когда кто-либо из рыцарей, наконец, овладеет им и доставит его из Великобритании в Арморику; и сам по себе этот стол также, по-видимому, есть очень древний символ, один из тех, что ассоциировались с идеей духовных центров, о которых мы только что говорили. Круглая форма стола, впрочем, связана с "зодиакальным циклом" (еще один символ, заслуживающий особого изучения) присутствием двенадцати сидящих за столом персонажей: эта особенность присуща структуре всех упомянутых центров. А если это так, то разве нельзя усмотреть в числе двенадцати Апостолов знак, среди множества прочих, полного соответствия христианства изначальной традиции, которой в точности подошло бы название «предхристианство»? А с другой стороны и в связи с Круглым Столом, мы отмечаем поразительные символические откровения Марии де Балле,[5] где упоминается "круглый яшмовый стол, олицетворяющий Сердце Господа Нашего", а также говорится о "саде, который есть Евхаристия в алтаре" и который, со своими "четырьмя источниками воды живой", таинственным образом отождествляется с Земным Раем. Разве это не удивительное в своем роде и достаточно неожиданное подтверждение связей, о которых мы писали выше?

Естественно, эти сделанные наскоро заметки не могут претендовать на роль полного исследования столь малоизученного вопроса; здесь мы можем ограничиться только простой расстановкой указателей, и мы отдаем себе отчет в том, что здесь есть соображения, поначалу способные удивить тех, кто не освоился с древними традициями и с обычными для них способами символического выражения. Но мы разовьем и обоснуем эти соображения позже, в статьях, где намереваемся равным образом затронуть и другие темы, более или менее достойные интереса.

Пока же и в связи с легендой о Святом Граале упомянем о странной подробности, которой не касались до сих пор: вследствие словесных уподоблений, часто играющих немаловажную роль и имеющих обоснования более глубокие, нежели это представляется на первый взгляд, Грааль есть одновременно чаша (*grasale*) и книга (*gradale* или *graduale*). В некоторых вариантах оба смысла тесно сближаются, так как книга оказывается надписью, начертанной Христом или ангелом на самой Чаше. Мы не собираемся делать сейчас отсюда какие-либо заключения, хотя легко провести аналогии с "Книгой Жизни" и с некоторыми элементами апокалиптической символики.

Добавим также, что легенда ассоциирует с Граалем другие предметы и, в частности, копьё сотника Лонгина; но что в высшей степени любопытно, так это предсуществование этого копьё или некоторых из его эквивалентов как символа в некотором роде дополнительного к чаше в древних традициях. С другой стороны, у древних греков копьё Ахилла считалось способным исцелять раны, которые оно наносило. Средневековая легенда теми же свойствами наделяет копьё Страстей. А это напоминает еще одно подобие из этого же ряда в мифе об Адонисе (чьё имя, между прочим, значит «Господь», "Владыка"): когда героя насмерть поражает клык дикого кабана (замещающий здесь копьё), его кровь, пролитая на землю, рождает цветок. А г-н Шарбонно-Лассей в *Regnabit*[6] (далее — *Reg.*) описывает "форму для гостий XII века, где можно видеть изображение капель крови Христа, падающих на землю и превращающихся в розы, и витраж XIII века в кафедральном соборе Анже, где текущая ручьями божественная кровь также превращается в распускающиеся розы". Мы далее еще вернемся к цветочной символике, которую рассмотрим под несколько иным углом зрения. Но каково бы ни было множество значений, которое присуще почти всем символам, все они дополняют друг друга и гармонически связаны, и само это множество, вовсе не будучи неудобством или недостатком, напротив, для тех, кто способен понимать его, является одним из преимуществ языка гораздо менее ограниченного, нежели обычный язык.

В заключение этих заметок мы укажем на несколько символов, которые, в различных традициях, иногда замещают символ чаши и которые, по сути,

идентичны ему; тем самым мы не оставляем нашу тему, потому что и сам Грааль, как нетрудно заметить из всего сказанного выше, у истоков своих имеет иное значение, нежели то, которым повсюду, где он встречается, обладает священный сосуд, и которое на Востоке имеет жертвенная чаша, содержащая ведическую Сому (или маздеистскую Хаому), это потрясающее «предызображение» Евхаристии, к которому мы еще вернемся.

Сама же Сомы олицетворяет "напиток бессмертия" (Амриту Индуистов, Амброзию Греков — между двумя этими словами есть этимологическое сходство), который сообщает или возвращает принимающим его с соблюдением должного ритуала то "чувство вечности", о котором говорилось раньше.

Одним из символов, о котором нам хотелось бы поговорить, является треугольник, вершина которого направлена вниз; это своего рода схематическое изображение жертвенной чаши, и, как таковое, оно встречается в некоторых янтрах или геометрических символах Индии. С другой стороны — и это весьма примечательно на наш взгляд, — то же изображение является символом Сердца, форму которого оно в упрощенном виде воспроизводит. Выражение "треугольник сердца" широко распространено в восточных традициях. Это побуждает нас сделать небезынтересное наблюдение, а именно, что изображение сердца, вписанного в такой треугольник, само по себе абсолютно закономерно, идет ли речь о человеческом сердце или Сердце Божественном, и что оно таково даже тогда, когда мы обнаруживаем его в эмблемах, используемых средневековым христианским герметизмом, намерения которого всегда были абсолютно ортодоксальны.

Если иногда, уже в новое время, кое-кто стремился придать ему богохульный смысл, то это потому, что, сознательно или нет, он изменил, вплоть до полной противоположности, первоначальное значение символов. Здесь перед нами феномен, проявлений которого можно было бы назвать множество, и объяснение которому следует искать в том, что некоторые символы действительно поддаются двойственному истолкованию и имеют как бы две противоположные стороны. Змея, например, а также лев — разве не обозначают они, в одно и то же время и в зависимости от случая, и Христа, и Сатану? Мы не можем здесь вдаваться в подробности общей теории, что увело бы нас слишком далеко. Но и без того ясно, что существует нечто, требующее особо деликатного обращения с символами, а также и то, что нужно особое внимание, когда речь идет о выявлении реального смысла некоторых эмблем и правильном их истолковании.

Другой символ, который часто бывает равнозначен чаше, — это цветок: и в самом деле, разве цветок уже своей формой не напоминает образ «вместилища», и разве не говорят о «потире» цветка? На Востоке символическим цветком по преимуществу является лотос; на Западе ту же роль чаще всего играет роза.

Разумеется, мы не хотим сказать, что таково единственное значение символа розы или лотоса, поскольку о другом значении розы мы уже говорили выше. Но именно в значении чаши обнаруживаем мы изображение розы на алтаре аббатства Фонтевро, где роза помещена у подножия копья, по которому стекают капли крови. Эта роза предстает здесь связанной с копьем точно так же, как в иных случаях бывает связана чаша; и она (роза) скорее принимает в себя капли крови, нежели возникает из них. Впрочем, два этих значения скорее взаимодополняющи, а не противоречивы, потому что капли, падая на розу, животворят и раскрывают ее. Перед нами "небесная роза", если воспользоваться образом, так часто употребляемым в связи с идеей Искупления или с идеями Возрождения и Воскресения; но развитие и этой темы потребовало бы длительных разъяснений, даже если мы ограничимся выявлением соответствий в подходах различных традиций к этому символу.

С другой стороны, поскольку в связи с печатью Лютера возникала проблема Розы — Креста, то скажем, что вначале эта герметическая эмблема была исключительно христианской, каковы бы ни были ложные, более или менее «натуралистические» истолкования, даваемые ей начиная с XVIII века; и разве не примечательно, что роза здесь, в центре креста, занимает именно место Сердца Иисусова! Помимо изображений, где пять ран Распятого символизируются пятью розами, центральная роза, когда она одна, может отождествляться с самим Сердцем, с заключающей в себе кровь Чашей, которая есть центр жизни, а также центр всего бытия.

Есть, по меньшей мере, еще один символический эквивалент Чаши: это полумесяц. Но должное объяснение последнего потребовало бы уклонения от темы данного исследования. И мы упоминаем его лишь для того, чтобы не упустить ни одну сторону вопроса.

Из всех только что отмеченных нами подобий мы уже можем сделать вывод, который далее станет еще более очевидным: когда повсюду обнаруживаются такие соответствия, то не есть ли это нечто большее, чем простое указание на существование изначальной традиции? И как объяснить, что, чаще всего даже те, кто в принципе приходит к признанию этой традиции, о ней дальше не упоминают и рассуждают так, как если бы она никогда не существовала или, по крайней мере, от нее ничего не сохранилось с течением времени? Если же хорошо поразмыслить над тем, что есть аномального в такой позиции, то, возможно, менее удивительными покажутся некоторые соображения, которые, по правде сказать, и кажутся странными лишь вследствие мыслительных привычек, свойственных нашей эпохе. Кроме того, стоит поискать немного, но при условии полной непредвзятости, чтобы повсюду обнаружить следы сущностного доктринального единства, сознание которого могло иногда затемняться в человечестве, но

полностью никогда не исчезало; и по мере того, как мы продвигаемся в этом поиске, возможности сравнения умножаются как бы сами по себе и каждый миг появляются новые доказательства. Впрочем, Евангельское "Ищите и обряцете" ведь не пустое слово.

Addendum[7]

Мы хотели бы сказать несколько слов в связи с возражением, адресованным нам по поводу обозначенных нами связей между Святым Граалем и Сердцем Иисусовым, хотя, по правде сказать, данный тогда же ответ представляется нам вполне удовлетворительным.

В самом деле, совсем не важно, что Кретъен де Труа и Робер де Борон не увидели в старинной легенде, простыми перелазгателями которой они явились, все заключающееся в ней значение; но это значение от того не исчезло, и мы лишь постарались выявить его, не вводя чего бы то ни было «современного» в нашу интерпретацию. В остальном же очень трудно сказать, что именно видели или чего не видели в легенде писатели XII века; исходя же из того, что, в конечном счете, они всего лишь играли роль «передатчиков», мы охотно соглашаемся, что они, несомненно, не должны были видеть в ней все, что видели их вдохновители, то есть, хотим мы сказать, истинные держатели традиционной доктрины.

С другой стороны, что касается кельтов, мы должны напомнить, с какой осторожностью, в отсутствие всякого письменного документа, следует говорить о них. Но почему следует предполагать, вопреки явно противоречащим этому и обозначенным нами признакам, что они были менее облагодетельствованы, чем другие народы? А мы ведь повсюду, а не только в Египте, видим устойчивое символическое уподобление сердца и чаши или сосуда; повсюду сердце рассматривается как центр существа, одновременно человеческого и божественного в многообразных связанных с ним практиках; повсюду также жертвенная чаша изображает центр или Сердце Мира, "место пребывания бессмертия".[8] Чего же еще?

Мы хорошо знаем, что чаша и копье — или их эквиваленты — имеют еще и другое значение помимо указанных нами, но, не задерживаясь на этом вопросе, мы можем сказать, что все значения, сколь бы странными ни показались иные из них в глазах современных людей, прекрасно согласуются между собой и что в действительности они выражают один и тот же принцип, действующий на разных уровнях, согласно закону соответствия, на котором основывается гармоничное множество смыслов, присущее всякой символике.

Теперь, когда не только Центр Мира действительно отождествлен с Сердцем Иисусовым, но когда подобное тождество было ясно обнаружено в древних

доктринах, именно это мы и надеемся показать в дальнейших исследованиях. Очевидно, выражение "Сердце Иисусово", во всяком случае, должно пониматься в смысле, который мы не могли бы со всей определенностью назвать «историческим», однако следует сказать и то, что сами исторические факты, как и все остальное, на свой лад выражают высшие реальности и подчиняются тому же закону соответствий, о котором мы только что говорили, закону, который только и может объяснить иные «предызображения». Речь идет, если угодно, о Христе — принципе, то есть о Слове, явленном в самой центральной точке Вселенной. Но кто осмелится утверждать, что предвечное Слово и его историческое проявление, земное и человеческое, не есть реально и по сути один и тот же Христос, видимый в двух разных аспектах? Здесь мы касаемся еще и отношений между временным и вневременным; но даже задерживаться на них, быть может, и не стоит, потому что они из разряда явлений, объяснить которые способна лишь символика — в той мере, в какой они вообще объяснимы. Во всяком случае, следует уметь читать символы, чтобы обнаруживать в них то, что обнаруживаем мы; однако, к несчастью и особенно в нашу эпоху — никто не умеет их читать.

Поделитесь на страничке

Следующая глава >

Похожие главы из других книг

Легенда о Диогене Синопском (ок. 412–323)

Лекция 12 РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX в. Отличительные особенности новейшей русской философии. Философия русского зарубежья и советское диссидентство
Философия антикоммунизма: Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев. Евразийство: Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Л.П. Карсавин. «Последний евразиец» Л.Н. Гумилев.

О СВЯТОМ ДУХЕ к святому амфилохию, епископу Иконийскому

Глава I. О ПРИЧИНАХ, ПО КОТОРЫМ МЫ ОДОБРЯЕМ ИЛИ ПОРИЦАЕМ САМИХ СЕБЯ В первых двух частях этого сочинения я исследовал главным образом происхождение и причины наших суждений о поступках и чувствах прочих людей. Теперь я исследую более подробно происхождение и причины наших суждений о собственных поступках и чувствах.

Легенда Азии

Глава 3. Формирование социоэнтропических групп как творческий способ выживания В синем воздухе кактусы плачутся, Губы черных вершин немые, Фиолетовой шалью прозрачную Тучи нежат затылок луны.
Только вот они, стены высокие, Только вот она, клеть, И меня лягушкой болотною Заставляют в оркестре петь. С.А. Кутолин. Страна Лесото. Из сб. «В себя сквозь небо». 1992

69. Сердце лучистое и сердце пылающее[792]

Глава 10. Коллизия видов войны Теперь попробуем всему изложенному найти место в контексте прошлого и будущего.

Легенда Азии

Л.И.Сазонова Космос смысла Александр Михайлов: Жизнь в слове

Глава 1 КАК ПИСАТЬ О СВЯТОМ ФРАНЦИСКЕ

211 Дьяченко Гр. Из области таинственного. М.: Камея, 1994. С. 334.

Легенда о тени дракона

220 123. Об Александре Добролюбове в Беседах, как и в ЗМ, — всего несколько слов (Беседы, с. 159, 160 и 161). См. об А. М. Добролюбове статью Е. Ивановой в словаре «Русские писатели. 1800–1917»: примерно в то время, когда Бахтин говорил о нем в своих лекциях, Добролюбов жил в Средней Азии. В конце же концов Добролюбов, по его словам, «откинул всякое признание высшего существа свыше личности человека» (письмо от 24 августа 1940 г., приводится полностью в альманахе «Прометей», № 12, 1980, с. 312).

Легенда о дожде

226 129. Имеется в виду прежде всего статья Иванова «Две стихии в современном символизме», опубликованная в «Золотом руне» (1908, № 3, 4, 5), а затем включенная в сборник «По звездам». Термин «идеалистический» в соответствии с традицией употребляется Ивановым в значении «субъективистский» («идеал» как проекция моего я), термин «реалистический» — в средневековом смысле, как утверждение онтологической реальности сверхчувственного.

Легенда о солнце

249 152. Ср. фрагмент «Отцы и дети» темы «Тургенев», заключительные фразы (с. 221).

Легенда о солнце и луне

264 167. Стихотворение <Баллада> из «Трилистника траурного» (сб. «Кипарисовый ларец»).

Глава 2. Великая легенда

Под маской войны Baudrillard Jean, “Le masque de la guerre.” Liberation.fr. Lundi 10 mars 2003 Перевод с французского Веры Мильчиной Опубликовано в журнале: «Отечественные записки» 2003, № 6

Легенда про Січ Балада

I. Воспоминания детства и размышления о романе[27] Княгиня или крестьянка, в горностае или в овчине — всегда эта женщина в мехах и с хлыстом, порабощающая мужчину, есть одновременно мое творение и истинная сарматская женщина.

ЛЕГЕНДА ХИРАМА

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЛЕГЕНДА

XXXIV

101. ЛЕГЕНДА

XVII Нынешний мир – щель между двумя жерновами, духота между двумя грозами – перемирие между двумя войнами.

Легенда

Действие на расстоянии: сцепленность во взаимоотношениях

Содержание книги

- Традиционная символика и некоторые из ее всеобщих применений
- 1. Реформа современного сознания[1]
- 2. Слово и символ[2]
- **3. Сердце Иисусово и легенда о Святом Граале[4]**
- 4. Святой Грааль[9]
- 5. Традиция и "бессознательное"[15]
- 6. Наука о буквах[18] (Ilmul — Huruf)
- 7. Язык птиц[29]
- Символы центра и мира
- 8. Идея Центра в древних традициях[41]
- 9. Цветы-символы[54]
- 10. Тройная друидическая ограда[64]
- 11. Хранители Святой Земли[79]
- 12. Земля Солнца[99]
- 13. Зодиак и стороны света[114]
- 14. Тетрактис и квадрат четырех[119]
- 15. Иероглиф Полюса[120]
- 16. "Черные головы"[126]

- 17. Буква G и свастика[135]
- Символы циклической проявленности
- 18. Несколько аспектов символики Януса[147]
- 19. Иероглиф рака[170]
- 20. Сиф[184] Kana el-insanu hayyatan fil-quidam
- 21. О значении «карнавальных» празднеств[205]
- 22. Некоторые аспекты символики рыбы[218]
- 23. Тайны буквы нун (Nun)[238]
- 24. Вепрь и Медведица[245]
- Некоторые виды символического оружия
- 25. Громовые камни[266]
- 26. Символическое оружие[276]
- 27. Сайфуль-Ислам (Sayful-Islam)[295]
- 28. Символика рогов[312]
- Символика и космические формы
- 29. Пещера и лабиринт[334]
- 30. Сердце и пещера[345]
- 31. Гора и Пещера[352]
- 32. Сердце и Мировое Яйцо[359]
- 33. Пещера и Мировое Яйцо[371]
- 34. Выход из пещеры[379]
- 35. Врата солнцестояния[387]
- 36. Символика зодиака у пифагорейцев[397]
- 37. Янус и символика солнцестояния[400]
- 38. О двух Иоаннах[409]
- Строительная символика
- 39. Символика купола[417]
- 40. Купол и колесо[429]
- 41. Узкие врата[439]
- 42. Восьмиугольник[451]
- 43. "Краеугольный камень"[462]
- 44. "Lapsit exillis"[500]
- 45. «Эль-Аркан» («El-Arkan»)[520]
- 46. Собирать то, что рассеяно[529]
- 47. Белое и черное[545]
- 48. Черный камень и камень кубический[552]
- 49. Дикая камень и камень тесаный[561]
- Осевая символика и символика перехода
- 50. Символы аналогии[562]
- 51. Мировое Древо[566]

- 52. Дерево и ваджра[581]
- 53. Древо Жизни и напиток бессмертия[586]
- 54. Символика лестницы[596]
- 55. "Игольное ушко"[606]
- 56. Прохождение вод[613]
- 57. Семь лучей и радуга[618]
- 58. Janua Coeli[625]
- 59. Кала-мукха[641]
- 60. Свет и дождь[661]
- 61. Цепь миров[678]
- 62. "Корни растений"[707]
- 63. Символика моста[721]
- 64. Мост и радуга[732]
- 65. Цепь единства[745]
- 66. Обрамления и лабиринты[754]
- 67. "Цифра четыре"[771]
- 68. Узы и узлы[782]
- Символика сердца
- 69. Сердце лучистое и сердце пылающее[792]
- 70. Сердце и мозг[809]
- 71. Эмблема Сердца Иисусова в одном тайном американском обществе[831]
- 72. Всевидящее око[841]
- 73. Горчичное зерно[857]
- 74. Эфир в сердце[904]
- 75. Божественный град[919]

О проекте | Разделы

